

ПРОЦЕСС БОЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Статья посвящена «Процессу Боевой Организации партии эсеров», проходившему с 18 по 25 февраля 1904 г. и ставшему заметным явлением общественной жизни России начала XX в. За его ходом с напряженным вниманием следили власти, включая членов императорской фамилии и самого Николая II, консерваторы, либералы и революционеры.

Анализируется поведение лидеров и рядовых членов Боевой Организации партии социалистов-революционеров на следствии, во время суда и после вынесения приговора. Показано, что от дачи показаний на допросах отказалось меньшинство привлеченных к процессу террористов, большинство, в их числе Г.А. Гершуни, и во время следствия, и на суде отрицали свою причастность к Боевой Организации; все подсудимые отказались от заключительного слова. Почти все осужденные по процессу подавали прошение о помиловании как сразу после оглашения приговора, так и во время отбывания наказания. Все это во многом не соответствовало прокламируемому кодексу поведения революционера на суде.

Ключевые слова: террор, покушение, Боевая Организация, судебный приговор, общество, защита, апелляция, раскаяние, героизация.

Процессы эсеров-террористов были заметным явлением общественной жизни России начала XX в. За ними с напряженным вниманием следили власти, включая членов императорской фамилии и самого Николая II, консерваторы, либералы и революционеры. О них, не жалея места, писали периодические и непериодические, отечественные и зарубежные, легальные и нелегальные издания. Освобожденцы и близкие к ним либералы, революционеры всех оттенков представляли процессы, как ристалища, на которых благородные рыцари без страха и упрека, жертвовавшие во имя народа свои молодые жизни, декларировали свои прекрасные побуждения и низвергали низменных, ничтожных слуг самодержавия. Повествования о террористах многих отечественных историков более всего похожи на жития и святцы [1, с. 365–389].

«Дело по обвинению Г.А. Гершуни, М.М. Мельникова, А.И. Вейценфельда, Л.А. Ремянниковой, Е.К. Григорьева в принадлежности к Боевой Организации партии социалистов-революционеров, подготовке и совершении террористических покушений», именуемое в литературе, как «Процесс Боевой Организации партии эсеров», слушалось с 18 по 25 февраля 1904 г. в закрытом заседании Петербургского военно-окружного суда. Обвиняемым вменялось в вину создание тайной террористической организации, подготовка и совершение покушений на министра внутренних дел Д.С. Сипягина, губернаторов И.М. Оболенского и Н.М. Богдановича, подготовка покушений на начальника отделения по охранению общественной безопасности и порядка в городе Москве С.В. Зубатова и обер-прокурора Святейшего синода К.П. Победоносцева. К процес-

* © Леонов М.И., 2016

Леонов Михаил Иванович (mleonov40@gmail.com), кафедра российской истории, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

су привлекли лидера Боевой Организации, его помощника, руководителя Екатеринославского комитета, и видную деятельницу Петербургского комитета [2. Л. 66–96]. Суд шел под председательством генерал-лейтенанта барона Остен-Сакена в присутствии военного судьи генерал-майора Калишевского и четырех временных членов. Защищали подсудимых семь известных адвокатов, пятеро по назначению суда (А.В. Бобришев-Пушкин, Б.Г. Барт, А.Н. Турчанинов, М.В. Бернштам, А.Е. Феодосьев) и двое (Н.П. Карабчевский и М.Л. Манделъштам) «по соглашению», т. е. по формальной просьбе подзащитных. Процесс вызвал огромный общественный резонанс как в России, так и за рубежом. Зал заседаний был заполнен. Среди присутствующих было много высокопоставленных персон. Все дни процесса в зале находился великий князь Андрей Владимирович, который в это время слушал курс в Военно-юридической академии и интересовался уголовными процессами. Из организаторов и руководителей Боевой Организации к процессу не привлекли только П.П. Крафта — против него не было выявлено достаточных неагентурных улик [3. Л. 12–54]. Дела Т.С. Бартошкина, Д.В., Р.В., Х.В. Рабинович, К. Мунвезе были выделены в особое производство.

Материалы дознания и следствия составили семь томов. К делу были приобщены результаты баллистических экспертиз, орудия покушений и пуль, головки которых были крестообразно распилены, начинены стрихнином, покрытым тонким слоем воска, подпилком, которым распиливались головки пуль и делались надписи на пистолетах, рукописи прокламаций, письма и другие рукописные и печатные документы, показания многочисленных свидетелей, в первую очередь Е.К. Григорьева, Ю.Ф. Юрковской-Григорьевой, Ф.К. Качуры, Т.С. Бартошкина.

Огромное впечатление произвели чистосердечные свидетельства Ф.К. Качуры. Он говорил о вреде, который наносят своими действиями революционеры, не пытался выгородить себя и свалить вину на других. Это был спокойный рассказ человека, окончательно порвавшего с революционным и террористическим прошлым. По признанию Г.А. Гершуни и редакторов «Революционной России», в свое время создававших образ «героя-рабочего»: «Показания Качура были не менее сильным ударом для наших приговоренных товарищей, чем показания Рысакова — для народовольцев!» Они объявили Ф.К. Качуру «человеком теперь ненормальным», который «производит страшно несчастное впечатление», а его показания — фантазиями, бредом психически больного; вчерашнего «народного героя» обвиняли в неискренности и в оговорах [4, с. 7-10]. Н.П. Карабчевский, Б.Г. Барт, М.Л. Манделъштам, М.В. Бернштам, защищавшие Г.А. Гершуни и А.И. Вейценфельда, требовали даже подвергнуть Ф.К. Качуру психиатрической врачебной экспертизе. Суд отверг претензии защиты как безосновательные. Позднее Г.А. Гершуни утверждал, что Ф.К. Качура «избегал запутывать и оговаривать лиц, которых он считал на свободе», а «валил все» на арестованных Г.А. Гершуни и А.И. Вейценфельда [5, с. 75–76]

Во время следствия М.М. Мельников, один из трех организаторов Боевой Организации, решительно отрекся от причастности к ней, террору и партии эсеров «вообще», заверяя, что не был знаком ни с Г.А. Гершуни, ни с С.В. Балмашевым, ни с Т.С. Бартошкиным, ни с А.К. Григорьевым, ни с Л.А. Ремянниковой и не принимал никакого участия в обсуждении планов покушений. Отрицала свою причастность к Боевой Организации и Л.А. Ремянникова, чьею рукой, как установила графологическая экспертиза, были написаны отправленные 5 апреля 1902 г. с Петербургского почтамта за границу рукописи «Казнь министра Сипягина» и «Биография С.В. Балмашева». Давать показания и подписывать протокол допроса она отказалась. Отрицал причастность к Боевой Организации и организации покушений и отказался дать показания и подписать протокол допроса А.И. Вейценфельд [3. Л. 22–23, 38, 75–79]. К. Григорьев и Ю.Ф. Юрковская раскаялись и чистосердечно рассказали о своем участии в революционных и террористических предприятиях, о киевском террористическом кружке Гершуни — сестер Рабинович, об участниках и замыслах Боевой Организации.

Лидер партии и «диктатор» Боевой Организации Г.А. Гершуни на предварительном дознании говорить о «своей личности, а равно и по существу дела» отказался, однако через месяц с небольшим собственноручно записал данные о себе, добавив, что объясне-

ния по поводу предъявленных ему обвинений «изложит на особом листе». Позднее он писал, что долго колебался, признать ли себя членом Боевой Организации? Осенью 1904 г. решил: «нет!», и на четырех листах большого формата подал «Заявление Г.А. Гершуни Прокурору Санкт-Петербургской судебной палаты», подписанное: «Петропавловская крепость, 30 ноября 1903 г.». Начиналось «Заявление» так: «Не желая принимать какое бы то ни было участие в юридической комедии, устраиваемой жандармами под видом предварительного дознания, я отказался как от дачи показаний, так и от подписи протоколов». Далее Г.А. Гершуни писал, что условия российской действительности «заставили» его «от мирной общественной деятельности перейти во имя блага народа на путь открытой революционной борьбы», и сформулировал тот тезис, который отстаивал и во время процесса, и в публикациях в «Революционной России», и в воспоминаниях: «В качестве члена партии социалистов-революционеров» я выполнял общепартийную работу, направленную главным образом на массовую деятельность. Жандармская власть, по-видимому, выделяет мое дело из общего дознания о социалистах-революционерах, устраивая, таким образом, искусственную группировку обвиняемых и сводя процесс к вопросу о степени наказания» [2, с. 41–43, 56–57; 5, с. 38–41]. От Боевой Организации, устройства покушений он отмежевывался, и чем дальше, тем энергичнее. Прокламируемое Г.А. Гершуни объяснение не удовлетворило даже его адвокатов. Поначалу Г.А. Гершуни, его словами, «высокомерно» отказался от чтения следственных материалов, но после вручения обвинительного акта затребовал их и тщательно изучил.

Следует сказать, что условия содержания главы Боевой Организации, как и других проходивших по этому делу, нельзя признать бесчеловечными. Своему брату В.А. Гершуни, содержащийся под стражей, писал 10 июля 1903 г.: «Здоровье мое вполне удовлетворительное, чувствую себя спокойно». Регулярные письма его родным многословны: с 3 июля 1903 г. по 12 февраля 1904 г. только брату В.А. Гершуни он отправил 86 машинописных страниц посланий [6. Л. 75–100]. О. Шабдагавронская в начале 1904 г. сообщала: «Г.А. Гершуни получает в Петропавловской крепости часто свидания с родными. Его отец видел его три раза. Он убедился, что его сын счастлив, бодр и здоров» [7. Л. 138].

А.К. Григорьев производил жалкое впечатление. «Даже здесь на суде, — говорил его защитник А.В. Бобришев-Пушкин, — Григорьев боится их [бывших соратников-террористов. — *М.Л.*]. Когда Гершуни, наводя на него свой взгляд, начинал медленно чеканить свои вопросы... навстречу вставала растерянная, трепещущая, жалкая фигура Григорьева, сбивчиво лепетавшего что-то» [8, с. 52–59]. А.К. Григорьев откровенно рассказал о замыслах террористов в Киеве в 1901 г., истории покушения на Д.С. Сипягина, попытке покушения на К.П. Победоносцева, подготовке покушения на В.К. Плеве; подробно отвечал на все вопросы.

Как жена подсудимого, Ю.Ф. Юрковская давала показания без присяги. Ее подробные сообщения о замыслах и действиях террористов и тех, кто с ними был связан, о Боевой Организации вызвали негодование Г.А. Гершуни, и он в корреспонденциях и воспоминаниях обливал молодую женщину грязью с ног до головы. Вот часть написанного им: Ю.Ф. Юрковская «держалась беззастенчиво, в ее лжи, злобе и увертках было много хитрости и выдержки», «изумительно наглое самообладание и хладнокровие», «производила самое отвратительное впечатление своей злобой и ложью», «предательство и клеветнические инсинуации... омерзительны... вызвали гадкое чувство», «злостная и отвратительная» [5, с. 49, 65–71].

Т.С. Бартошкин в деталях изложил предысторию Боевой Организации, в частности рассказал, как он в Киеве весной 1901 г. познакомил Г.А. Гершуни с А.К. Гигорьевым, и как он вместе с Г.А. Гершуни, Д.В., Р.В., Х.В. Рабинович, А.К. Григорьевым планировал покушение на С.В. Зубатова, как получал от Гершуни деньги и выполнял его поручения. Гершуни с порога отверг показания Бартошкина, с которым он якобы познакомился случайно, сразу понял, что это за птица, и никогда не имел с ним никаких дел. В корреспонденциях в «Революционной России» он под орех разделял «некоего Бартошкина», «личность грязную, не имевшего ничего общего с революцией, но всегда увивавшегося вокруг революционеров» [9, с. 20].

Эта точка зрения утвердилась в литературе последних десятилетий. Поэтому о Т.С. Бартошкине, его роли в революционных и, в частности, в террористических предприятиях следует сказать подробнее. Т.С. Бартошкин, «нахлебник революции», любитель выпить, особенно на чужой счет, в стельку, с 90-х гг. участвовал в студенческих выступлениях, транспортировал нелегальную литературу, дружил с П.В. Карповичем, вместе с которым в 1899 г. входил в гомельский комитет РСДРП. В том же году они вместе выехали за границу; в 1899–1900 гг. снимали в Шарлоттенбурге комнату, плату за которую вносил обыкновенно П.В. Карпович. В сентябре 1900 г. Т.С. Бартошкин возвратился в Россию, сблизился с террористически настроенными революционерами; и в 1901–1902 гг. был доверенным представителем Г.А. Гершуни в Киеве, которого тогда же познакомил с Е.К. Григорьевым, Ф.Ф. и Ю.Ф. Юрковскими как кандидатами на роль террористов-«исполнителей». Организаторы Боевой Организации в 1902 г. числили Т.С. Бартошкина одним из трех наличных «исполнителей» [10. Л. 27].

А.И. Вейценфельд и Л.А. Ремянникова без лишних слов отводили все показания о причастности к покушениям, не вступали в полемику со свидетелями. По воспоминаниям Г.А. Гершуни, они договорились не возражать Ф.К. Качуре, А.К. Григорьеву, Ю.Ф. Юрковской и другим и «решили молчать». Их заключительные слова были предельно лапидарны.

М.М. Мельников, как и во время предварительного следствия, отметал все свидетельства против него, отрицал свое участие и в организации покушений, и в Боевой Организации, и даже в партии эсеров, прямо или косвенно сваливая вину на других. Перспектива смерти страшила его. «Я не принадлежу к числу натур, всецело проникнутых жертвенным настроением», — не скрывал он [10. Л. 16]. В начале процесса Г.А. Гершуни сочувствовал своему недавнему «помощнику». «Болью сжимается сердце при мысли об участии Мельникова», — писал он. Затем от сочувствия не осталось и следа. «Мельников, — заявлял “диктатор” Боевой Организации, — производил впечатление больного, замученного, надорванного, явно ненормального человека». Месяц спустя после процесса Г.А. Гершуни уже бесповоротно отмежевывался от своего бывшего помощника, утверждая, что тот «ни в каком из террористических актов не участвовал и к террористической организации никакого касательства не имел» [9, с. 22].

Внимание присутствующих, а также пишущих и читающих о процессе приковывал Г.А. Гершуни. «Художник террора», «умный, хитрый, с железной волей»; «его гипнотизирующий взгляд и убедительная речь» покорила собеседников, «превращали их в его горячих поклонников»; он «производил сильное впечатление на всех, с кем сходилась»; «обаяние личности Гершуни — факт несомненный» — в таких сильных выражениях характеризовали руководителя Боевой Организации С.В. Зубатов, Л.А. Ратаев, А.И. Спиридович [11, с. 281; 12, с. 153–154; 13, с. 152–153]. В той же тональности выдержаны суждения видного русского адвоката, члена ЦК «Союза 17 октября», известного публициста — «Громобоя», А.В. Бобрищева-Пушкина. Г.А. Гершуни, говорил он, «человек очень осторожный, умный, холодный, умеющий скрываться в тени», «фабрикант героев» [8, с. 49, 52, 56]. Стоит также сказать, что приведенные выше характеристики имплицитно или эксплицитно разделяли как эсеры, так и их партийные оппоненты.

Гершуни как личность на голову возвышался над остальными участниками процесса Боевой Организации. Он держал себя с достоинством, холодно всматриваясь в присутствующих, говорил неспешно, продуманно, взвешивая каждое слово, чеканил вопросы. На суде Гершуни категорически и последовательно отрицал свою принадлежность к Боевой Организации.

Организатор и глава партии эсеров и Боевой Организации, устроитель покушений, составивших славу партии в революционно-либеральных кругах, ко времени процесса был сакральной фигурой. В создании мифов были вовлечены все партии. Миф — это сказание о мире и месте человека в нем, баснословие, по четкой формулировке В.И. Даля. В мифе форма тождественна содержанию, и потому символический образ представляет то, что он моделирует. Важнейшая функция мифа — создание модели, примера, образца. Система мифических представлений составляет мифологию, систему определенных представлений о мире, универсальной категории

которой является герой. Лидеры партии эсеров, сколько было их сил, творили миф о Гершуни. Развенчание его мифического образа грозило непоправимыми последствиями для партии. Согласно революционному мифу, на судебном процессе революционер предстал рыцарем без страха и упрека, а апогеем являлась заключительная речь, в которой революционер обличал существующий строй, излагал обстоятельства, подвигнувшие его к искупительной жертве «во имя счастья народа».

Подготовленная заранее «Речь Гершуни» (без малого четыре полосы мелкого и плотного шрифта «Революционной России») была выстроена по известным образцам. Начинаясь она с обвинения властей, системы предварительного следствия и судопроизводства. Далее следовала традиционная эскапада: «Здесь нет ни подсудимых, ни судей». Подробно излагался путь автора в революцию, подвергались резкой критике власти, «ошеломляющие условия русской действительности», особо сказывающиеся «на еврейском народе, к которому я принадлежу»; подробно излагалась программа и тактика партии эсеров. «Террор не составляет органического элемента деятельности нашей партии», — провозглашал организатор и руководитель Боевой Организации и продолжал: «Партия до последнего момента оттягивала момент выступления на путь террористической борьбы». При этом он подчеркивал: «Вступив на путь революционной борьбы, я занимался главным образом общепартийной деятельностью» [9, № 44, с. 3–6].

«Речь Гершуни» заслужила высочайшую оценку «Освобождения» и многих отечественных авторов [15, 1904, № 23 (47). С. 412]. Должно сказать, что эта «Речь» должна проходить более всего по разряду литературных сочинений. Ее публикацию редакторы «Революционной России» сопроводили напечатанным петитом примечанием: «Речь эта предназначалась Г.А. Гершуни для произнесения на суде, но, по слухам, не могла быть произнесена целиком». Сам Г.А. Гершуни потратил немало усилий и извел много бумаги для разъяснения своего поведения на процессе. В «Письме к товарищам» он в свойственном ему выпяченном сентиментальном стиле обосновывал свое поведение так: «В Петербург я ехал, точно на праздник. Я мечтал, что буду участвовать вместе с другими в большом процессе, который взволновал бы и разбудил бы всех спящих. Но меня изолировали от товарищей, с которыми работал все время, и поставили вместе с предателями, хуже — клеветниками... И мне пришлось не столько стоять на принципиальной почве, сколько разрушать клевету и инсинуации» [9, № 46, с. 24]. Многогранную аргументацию Г.А. Гершуни представил в сентиментальных мемуарах «Из недавнего прошлого». «Предательский ход Плеве», подчеркивал он, заключался в том, чтобы «выделить несколько человек, сгруппировать их вокруг террористических актов и создать Боевую Организацию, но всю — без остатка». И в мемуарах, и в корреспонденциях Г.А. Гершуни многократно повторял: власти сфабриковали искусственный процесс Боевой Организации, «создали Боевую Организацию». В вину властям было поставлено нежелание «создать большой процесс Партии Социалистов-Революционеров».

Создавать Боевую Организацию властям смысла не было, она существовала. Можно было говорить только о том, что к суду были привлечены случайные люди, но в это едва ли кто мог поверить. Не верили этому и защитники обвиняемых. Мысль автора воспоминаний делала неожиданный поворот: общественное значение процесса Боевой Организации «должно было быть ничтожное», поэтому он отказался признать себя ее членом [5, с. 34–40]. «Я был связан по рукам и ногам», продолжал Г.А. Гершуни, «нельзя было» признать себя членом Боевой Организации, «нельзя было» опровергать показания Ф.К. Качуры, Григорьевых (о М.М. Мельникове и Т.С. Бартошкине он в мемуарах ни разу не упомянул), именно поэтому он, а вместе с ним Л.А. Ремянникова и А.И. Вейценфельд «предпочли молчать», «не делать возражений». Образно изложено эмоциональное состояние автора. В начале процесса: «Настроение поднимается все выше и выше... (знаки в тексте. — М.Л.). На скамью поднимаешься, как на трибуну», но в зале «ни одного осмысленного, ни одного вдумчивого лица», «как тут говорить, перед кем тут говорить?!», «процесс испорчен», и он «решил молчать» [5, с. 59, 74–76, 80].

Выпяченный сентиментализм, свойственный сочинениям лидера Боевой Организации, в известной мере был связан с определенными проявлениями его душевной организации. Безразличие Г.А. Гершуни к судьбам молодых людей, которых он

склонял к убийству и тем самым посылал на виселицу, сходным образом отмечали, как и А.В. Бобрищев, так и его оппонент на процессе Н.П. Карабчевский. Е.С. Сазонов, подчеркивал Н.П. Карабчевский, «способен был убить самолично того, кого (как Плеве) считал врагом России, но даже и на такое убийство не мог бы послать другого» [16, с. 205]. Оценки А.В. Бобрищева-Пушкина лишь несколько более ригористичны. «Личности, подобные Гершуни, — констатировал он, — на личное геройство не способны; они... охотно “делают героев” из других, более чем они податливых молодых людей, с легким сердцем посылая их на виселицы» [8, с. 57].

Исследователи эсеровского терроризма Р.А. Городницкий и А. Гейфман вслед за М.М. Мельниковым утверждали, что Г.А. Гершуни во время процесса всеми силами стремился избежать смертного приговора и сохранить свою жизнь. Материалы процесса не дают оснований для такого вывода. Вероятно, ближе к истине суждение Н.П. Карабчевского: «Суровое, беспощадно-безразличное отношение к чужой жизни шло у него [Г.А. Гершуни], несомненно, параллельно с таким же отношением и к своей собственной».

Та позиция, на которой стояли Г.А. Гершуни, М.М. Мельников, А.И. Вейценфельд, Л.А. Ремянникова, не давала им возможности декларировать партийную программу и тактику в духе канонических выступлений А.И. Желябова и других революционеров и не позволила отличиться их адвокатам. Только А.В. Бобрищев-Пушкин, последовательно осуждавший идеологию революционеров, их методы и террор, опубликовал «Защитительную речь по делу Григорьева». Корифеи либеральной адвокатуры о своих речах на процессе, на который они так рвались, не упоминали даже в мемуарах. Н.П. Карабчевский, неоднократно издававший свои судебные выступления, в том числе и на процессе Е.С. Сазонова, состоявшемся в том же 1904 г., речь в защиту Г.А. Гершуни не напечатал. Так же поступили и защитники М.М. Мельникова, А.И. Вейценфельда, Л.А. Ремянниковой.

Петербургский военно-окружной суд приговорил Г.А. Гершуни, М.М. Мельникова, Е.К. Григорьева к лишению всех прав состояния и смертной казни через повешение, А.И. Вейценфельда — к четырем годам каторжных работ, Л.А. Ремянникову к трем месяцам тюремного заключения и трем годам гласного надзор. В окончательной форме приговор был объявлен 28 февраля 1904 г. В отношении Е.К. Григорьева, Л.А. Ремянниковой приговор вступал в законную силу 2 марта, в отношении остальных — 12 марта 1904 г. Решением Главного Военного Суда 12 марта 1904 г. кассационные жалобы защитников Г.А. Гершуни, М.М. Мельникова, А.И. Вейценфельда были оставлены без последствий.

Император, учитывая просьбы о помиловании, 28 февраля 1904 г. повелел заменить М.М. Мельникову смертную казнь бессрочными каторжными работами. Такое же наказание было определено 4 марта 1904 г. Г.А. Гершуни. А.К. Григорьеву смертную казнь заменили четырьмя годами каторжных работ. Тот обратился со вторым прошением, в котором выражал свои верноподданнические чувства и раскаяние и просил предоставить ему возможность «пролить кровь за царя в войне с Японией и тем искупить свое прошлое преступное безумие». В апреле 1904 г. пожизненные каторжные работы А.К. Григорьеву заменили ссылкой на четыре года в Закавказье, а с 30 ноября 1905 г. ему разрешили свободно избирать место жительства за исключением столиц и столичных губерний. Прощение о помиловании подавали также М.М. Мельников и его жена Е.Н. Константинова (они венчались 30 января 1904 г. в церкви Комендантского Дома). Наказание М.М. Мельников вначале отбывал в Шлиссельбургской крепости. «За хорошее поведение» его перевели в «Новую тюрьму», а после второго прошения бессрочную каторгу заменили 15-летней.

Г.А. Гершуни подавать прошение о помиловании отказался. «У нас это не принято», — сказал он Н.П. Карабчевскому. Тогда адвокат предложил подать просьбу о помиловании от своего имени. «В ней, — говорил он, — не будет сказано, что просите о помиловании Вы; просить, т. е., по-вашему, “унижаться” буду я». “Спасибо ... (знаки в тексте. — М.Л.) до свиданья”, — ответил мне Гершуни и тепло задержал мою руку в своей» [16]. Следует сказать, что адвокат по соглашению мог

действовать только по воле и согласию подзащитного. Получив карт-бланш, адвокат совместно с родным братом Г.А. Гершуни подготовил и подал на высочайшее имя ходатайство о помиловании, «что, — подчеркивал Н.П. Карабчевский, — до сих пор не практиковалось» [16, с. 199]. Гершуни был признателен своему защитнику и незадолго до побега с каторги написал ему благодарственное письмо. Ходатайствовали о помиловании лидера террористов его отец, брат и невестка. Сам Г.А. Гершуни позднее утверждал, что мера наказания была смягчена по причине его безупречного поведения во время следствия и отсутствия у суда убедительных улик.

В январе 1906 г. Г.А. Гершуни и М.М. Мельникова этапировали на Акатуйскую каторгу, где, как описывал Е.С. Сазонов, была «привольная жизнь. Не чувствовалось тюрьмы», ежедневно половина каторжан уходила в горы без всякой охраны, под честное слово, с утра до вечера в тюрьме «торчали жены семейных, могли даже ночевать», «сообщение с волей, пронос всяких вещей были, конечно, вполне свободными... (знаки в тексте. — М.Л.). И конечно, вышли безобразия, один за другим каторжане, нарушая честное слово, бросились бежать, как холостые, так и женатые» [17, с.104–105]. Бежал и М.М. Мельников. Его побег возмутил эсеров-каторжан. 11 «шлиссельбургцев», в их числе Г.А. Гершуни, Е.С. Сазонов, П.В. Карпович, М.А. Спиридонова, 5 августа 1906 г. послали письмо на имя М.Р. Гоца, в котором объявляли «о прекращении сношений» с М.М. Мельниковым, главным образом потому, что он в нарушение договоренности бежал раньше Г.А. Гершуни [18. Л. 1–2]. Прибывшего за границу М.М. Мельникова эсеры-эмигранты встретили враждебно, даже отказались снабдить поддельным паспортом. До конца своих дней один из создателей партии эсеров и ее Боевой Организации безуспешно добивался реабилитации.

Г.А. Гершуни отбывал наказание вначале в Шлиссельбургской крепости, а с осени 1905 г. в Новой тюрьме. В октябре 1905 г. пожизненное заключение ему заменили 20-летней каторгой, перевели в Бутырскую тюрьму, а затем этапировали на Акатуйскую каторгу, откуда 13 октября 1906 г. вывезли бочке из-под квашеной капусты. Далее его путь лежал через Китай в Америку. Страсть к «актерству» проявилась во время его многочисленных выступлений в США, на которые он являлся в тюремном одеянии и кандалах. С чрезвычайными предосторожностями его доставили в Финляндию, где он 20 февраля 1907 г. явился перед делегатами II съезда партии.

Процесс Боевой организации не принес ей славы. Поведение подсудимых обескуражило многих видных эсеров; они открыто говорили, что Гершуни вел себя на суде «крайне недостойно, малодушно, отрицая свое участие в политических убийствах и даже свою прикосновенность к БО» в то время, как они рассчитывали, что он воспользуется судом, чтобы открыто признать заслуги партии в борьбе с самодержавием и изложить перед судьями дальнейшие задачи и цели «Боевой Организации» [19, донесение Л.А. Ратаева № 46 от 2/15 марта 1904 г.].

Библиографический список

1. Троицкий Н.А. Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 124. Оп. 1903 г. Д. 993. Л. 66–96.
3. ГАРФ. Ф.1 02. ДП ОО. Оп. 1898 г. Д. 1577.
4. Революционная Россия. Женева, 1904. № 43.
5. Гершуни Г.А. Из недавнего прошлого. М., 1908.
6. ГАРФ. Ф. 5821. Оп. 1. Д. 273.
7. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 316. 1904 г. Д. 1. Ч. 1.
8. Бобрищев-Пушкин А.В. Судебные речи. Т. 2. СПб., 1912.
9. Революционная Россия. Женева, 1904. № 47.
10. ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 85.
11. Красный архив. 1922. № 2.
12. Провокатор. Воспоминания и документы о разоблачении Азефа. Л., 1990.
13. Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1991.
14. Бобрищев-Пушкин А.В. Судебные речи. Т. 2. СПб., 1912.
15. Освобождение. Штутгарт. 1904. № 23 (47).

16. Карабчевский Н.П. Около правосудия. СПб., 1908.
17. Письма Егора Созонова к родным. 1895–1910 гг. М., 1925.
18. ГАРФ. Ф. 854. Оп. 1. Д. 5.
19. ГАРФ. Ф. Р. – 10003. Д. 345.

References

1. Troitsky N.A. Advokatura v Rossii i politicheskie protsessy 1866-1904 gg. [Advocacy in Russia and political processes of 1866–1904]. Tula, 2000 [in Russian].
2. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation]. F. 124. Op. 1903g. D. 993. L. 66–96 [in Russian].
3. GARF. F. 102. DP OO. Op. 1898g. D. 1577 [in Russian]
4. Revoliutsionnaia Rossiia [Revolutionary Russia]. Geneva, 1904, no. 43 [in Russian].
5. Gershuni G.A. Iz nedavnego proshlogo [From recent past]. M., 1908 [in Russian].
6. GARF. F. 5821. Op. 1. D. 273 [in Russian].
7. GARF. F. 102. DP OO. Op. 316. 1904g. D.1. Ch. 1 [in Russian].
8. Bobrishchev-Pushkin A.V. Sudebnye rechi [Courtroom speeches]. Vol. 2. SPB., 1912 [in Russian].
9. Revoliutsionnaia Rossiia [Revolutionary Russia]. Geneva, 1904, no. 47 [in Russian].
10. GARF. F. 1699. Op. 1. D. 85 [in Russian]
11. Krasnyi arkhiv [Red Archive], 1922, no. 2 [in Russian].
12. Provokator. Vospominaniia i dokumenty o razoblachenii Azefa [Provocateur. Memories and documents about the exposure of Azef]. L., 1990 [in Russian].
13. Spiridovich A.I. Zapiski zhandarma [Notes of a gendarme]. M., 1991 [in Russian].
14. Bobrishchev-Pushkin A.V. Sudebnye rechi [Courtroom speeches]. Vol. 2. SPB., 1912 [in Russian].
15. Osvozhdenie [Liberation]. Stuttgart, 1904, no. 23(47) [in Russian].
16. Karabchevsky N.P. Okolo pravosudiia [About justice]. SPB., 1908 [in Russian].
17. Pis'ma Egora Sozonova k rodnym. 1895-1910 gg [Letters of Egor Sozonov to his relatives. 1895–1910]. M., 1925 [in Russian].
18. GARF. F.154, Op.1.D5 [in Russian].
19. GARF. F.R. – 10003. D.345 [in Russian].

*M.I. Leonov**

PROCESS OF SR COMBAT ORGANIZATION

The article is devoted to the «Process of SR Combat Organization» which was held since 18 up to 25 February, 1904 and which become a prominent event in the public life of Russia of the beginning of the XX century. For its progress the authorities including imperiality and Nikolai II himself, conservatives, liberals and revolutionaries followed with strained attention.

The article analyzes the behavior of the leaders and members of SR Combat Organization under investigation, during the trial and after the verdict. It is shown that to testify during interrogation refused the minority of the involved in the process of the terrorists, the majority, including G.A. Gershuni, and during the investigation and in court denied his involvement in the military organization; all the defendants refused the final word. Almost all prisoners on the process petitioned for a pardon as soon as the verdict was announced, as well as serving their sentences. All this is largely not in line proclaimed by the Code of Conduct of the revolutionary at court.

Key words: terror, assassination, Combat Organization, judicial verdict, society, protection, appeal, remorse, glorification.

Статья поступила в редакцию 22/II/2016.
The article received 22/II/2016.

* *Leonov Mikhail Ivanovich* (mleonov40@gmail.com), Department of Russian History, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.